
Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...
Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Саша Черный.
«Все в штанах,
скроённых одинаково...»

Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальны-
ми лицами и событиями абсолютно
случайно.

Автор

Пролог

...Женщина стояла у окна и смотрела на темную улицу. За окном была ночь. На углу горел слабый выморочный фонарь, улица выглядела жалкой и нечистой. Моросил безысходный дождь, даже отсюда чувствовалось, какой он скользкий и холодный; в душе поднималась тоска...

Она поежилась, запахнула халат потуже. Поздно, пора спать, может, удастся уснуть. Но тут услышала шум мотора и невольно отступила вглубь. Ей было видно, как длинный темный автомобиль, замедляя ход, остановился наискось от дома. Погасли фары, воцарилась тишина. Ничего не происходило. На темной улице стоял почти неразличимый автомобиль с погашенными фарами. Внутри был человек, который почему-то не выходил... Ждал кого-то? Раздумывал, как поступить? Может, там было двое, и им нужно было поговорить без свидетелей?

Дверца внезапно открылась, и она увидела, что из машины выбрался мужчина. На долгую минуту он застыл, словно прислушивался. Потом оглянулся, открыл заднюю дверцу и нырнул внутрь. Ей было видно, как он там возится. Почему он не включил свет? Мужчина вытащил что-то из машины, и она едва сдержала крик: это было тело человека, безвольное, неподвижное. Мужчина держал его на руках, и наблюдавшей

из окна женщине были видны свесившиеся руки и торчащие коленки из-под задравшейся юбки. Она подалась вперед, приглядываясь. Всхлипнула от ужаса – это была женщина! Он держал на руках женщину!

Снова оглянувшись, мужчина обошел машину и ступил на тротуар. Пройдя несколько шагов, нагнулся и положил женщину на мокрую тротуарную плитку. Немного постоял неподвижно и вернулся к машине. Скользнул взглядом по темным окнам, и она, едва не вскрикнув, снова отпрянула в глубь комнаты – ей показалось, что он ее заметил. Она услышала, как хлопнула дверца машины. Включились фары – свет мазнул по спящим домам, заработал двигатель, и машина тронулась с места; спустя минуту красные огни исчезли за углом.

В слабом свете фонаря едва угадывалось тело на тротуаре – неразличимая грудка, белые, безвольно разбросанные руки, безвольно разбросанные колени. Женщина все еще стояла у окна, повторяя, что так не бывает, что ей показалось, что это галлюцинация; она снова наклонилась вперед, пыталась рассмотреть тело на тротуаре, надеясь, что оно чудесным образом растворится и исчезнет. Или женщина поднимется и... Может, нетрезвая, выпила лишнего... Из ночных бабочек, а мужчина, случайный знакомый, не пожелал с ней возиться, привез и выбросил, нравы сейчас жестокие... Вот сейчас, сию минуту, она поднимется и уйдет! Но тело женщины, пугающе неподвижное, все еще было там. И она поняла, что случилось непоправимое и женщина уже никогда не поднимется и не уйдет. Никогда.

Подвывая от ужаса, она метнулась в глубь комнаты, чувствуя, как подкашиваются ноги – еще минута, и она упадет, – схватила со стола мобильный телефон и дрожащими пальцами набрала номер...

Глава 1

На распутье

Ликует буйный Рим...
торжественно гремит
Рукоплексканями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь —
безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят
его колена...

М. Ю. Лермонтов.
«Умирающий гладиатор»

— Пора закрывать лавочку, — сказал частный детектив Александр Шибает своему другу и сожителю адвокату по бракоразводным делам Алику Дрючину. — Хорош глупостями заниматься. Все. Мелочовка задолбала: отравленные коты, супружеские измены, замочные скважины... Согляда-тай, тьфу!

— Ты серьезно? — Алик оторвался от документа, который внимательно читал. — И куда надумал? В таксисты?

— В охрану. Центральный банк ищет начальника охраны, приличная зарплата, командировки... Хотя на месте не сидеть.

— Неужели Жанна подсуежилась? — догадался Алик. — Неужели опять на те же грабли?¹

— При чем здесь грабли? Она позвонила и предложила, говорит, может посодействовать...

— А муж? Опять разбежались? И она вспомнила о тебе?

— Не спрашивал. Тебе не все равно?

Тон у Шибаева был ленивый, словно ему было скучно пререкаться с Аликом, и тот, крупный специалист по интонации и языку жестов, понял, что ничего еще не решено и заявление Шибаева — не что иное, как пробный шар: давай, скажи что-нибудь! Докажи, что я не прав, или, наоборот, убеди, что прав. Потому что я не уверен и сомневаюсь. На Алика он не смотрел, а смотрел в окно, демонстрируя, что ему чихать на мнение компаньона, но брови при этом были сведены, а рука почесывала нос, что является первым признаком вранья и неуверенности. И это было еще одним доказательством топтания на распустье.

— Мне, конечно, все равно, так как я считаю, что всякий индивидуум — хозяин своей судьбы, — начал Алик дипломатично. Он даже пожал плечами, подчеркивая, насколько ему все равно. — Но на твоём месте я бы не стал связываться с этой... э-э-э... — он запнулся в поисках нейтрального определения, — истеричкой! — Дальше понеслось по накатанной. Алик повторил то, что говорил уже тысячу раз, Шибаев соответственно в тысячный раз это слышал. — То она бросает мужа и морочит тебе голову, то у них опять любовь и она тебе пинка, а теперь опять? Осталась одна, оглянулась, годы идут, часики тикают, гормонов не хватает, ну-ка, подать сю-

¹ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Ритуал прощения врага» и «Знак с той стороны».

да безотказного Шibaева! Неужели ты не понимаешь, что ей надо?

— Речь идет всего лишь о работе. — Шibaев произносит это сквозь зубы, а сам безразлично смотрит в окно. По-прежнему делает вид, что мнение Алика ему никак, но уши шевелятся — слушает.

— Ты уверен? — иронически поднимает бровь Алик. — Ты не понимаешь, что будешь ей должен? Я бы сначала узнал про мужа, вместе они или разбежались. Она же сама не знает, чего хочет. А ты, ты уверен, что хочешь быть охранником? Ты же сыскарь! Ищейка! Ладно, допустим, ты согласен! — Алик поднимает руки вверх, словно сдается. — Пусть начальник охраны. Начальником охраны тоже кому-то надо быть. Тебя взяли, познакомили с коллективом, выдали должностную инструкцию, ты начал обживаться, и тут она приглашает тебя на ужин, к себе домой, под предлогом отметить новый жизненный этап, и ты идешь, понимая, что надо платить. Берешь дежурный ма-чо-набор — шампанское, конфеты, цветы — и идешь. Знаешь, что будет дальше? — Алик снова иронически поднимает бровь, делает паузу. Шibaев молчит, не требует заткнуться и не молоть ерунды. Продолжает слушать. — Я тебе скажу, что будет дальше. Она попытается тебя соблазнить, создаст интим, погасит свет, наденет прозрачный пеньюар, включит музыку. И ты, конечно, поведешься, как всякий нормальный мужик, у которого три месяца не было секса. После всех ее выбрыков — снова поведешься. А дальше что? Я тебя спрашиваю, что дальше? Опять метания между тобой и мужем, выкручивание рук и ломание хребта? Опять нервы, психи, вопли истеричной кошки и...

— Не надоело? — угрюмо перебил Шibaев. — Почему три месяца?

— А сколько?

— Пошел ты!

— Ты же сам понимаешь, что это не для тебя! — Алик повысил голос. — И работа, и она. Особенно она. Эта страница твоей жизни перевернута, а умные люди говорят, что никогда не нужно возвращаться, возвращаются только неудачники...

— А я кто, по-твоему? Удачник?

— Ты между мирами.

— Где?

— Между мирами провалился. Планида у тебя такая. И теперь у тебя три пути. Первый — принять то, что не можешь изменить, утереться и шагнуть дальше. Второй — попытаться вырваться и сбежать, не суть куда. Можно в охрану. Главное — сбежать.

— А третий?

— Повеситься.

— Значит, уходим в охрану.

— Неправильный ответ. Внутри у каждого из нас стержень. Твой стержень — сыск — ломать не надо. Художник не может петь в опере, там нужны другие параметры. Возьми меня, например. Иногда так достанет... — он махнул рукой. — Все, думаю, ухожу!

— Интересно, куда?

— К чертовой матери! В детский сад воспитателем. Или дворником. Неважно куда. Главное — соскочить. В омут с головой. Охрана — тот же омут. Можно переступить и утереться, а можно назло всем, и себе тоже, — в омут. Ты представляешь себя охранником? Наденешь желтый комбинезон с надписью на спине и на груди «Вооружен и очень опасен», кепку... или что там у них? Берет с пером?

– Почему желтый?

– Ну, синий. Неважно. Или розовый. Главное – комбинезон. Раз-два, левой! Строем. Под козырек! Сейчас ты на вольных хлебах, что хочу, то и ворочу. Хочу – сплю до обеда, хочу – пью до утра. Ну, так и дуй вперед, не топчись на месте, и главное – не возвращайся и не распускай сопли. Поезд ушел, страница перевернута, забудь. Все проходит, пройдет и это. Знаешь, кто сказал?

– Сам придумал?

– Мудрец сказал. Ну, вышибли тебя, так получилось, встань и ползи вперед, жизнь продолжается и...

– Давай еще про свет в конце туннеля, – буркнул Шибаетев. – И без тебя тошно.

Алик открыл рот и... промолчал. Уж очень расстроенная физиономия была у друга. Ничего, подумал он, самое главное он, Алик, обозначил, теперь пусть думает сам, своей головой. Чертова Жанна нарисовалась, как всегда, некстати. Вот же вредная баба! Ну, было, встречались, былшем поросло. Бегала от мужа к Шибаетеву и обратно, мельтешила – туда-сюда, туда-сюда! Ему, Алику, она никогда не нравилась. Капризная, самовлюбленная, характерец – о-го-го! Норов! Все должно быть, как она сказала, или никак, шаг в сторону – побег, из всех орудий – пли! Короче, сиди тихо и не отвечивай. Ладно, разбежались, зализали раны, поставили точку. Все! Ан нет, опять на те же грабли. У Шибаетева чувство обгаженности из-за того, что вышибли из полиции, можно понять. Никак не проходит, однолюб чертов! Родная гавань – и хоть трава не расти! Сколько оперов соскочили в охрану или в телохранители, живут припеваючи, так нет же! Карьера, видите ли, накрылась медным тазом. Причем вышибли по нелепейшему обвинению в коррупции. Ши-Бон, конечно,

лопухнулся. Какой-то лавочник сунул конверт, в чем-то там он был замешан, а Шibaев не среагировал сразу, а потом уже было поздно — поднялся визг, тот барыга его же и обвинил. Вышибли по состоянию здоровья — зачли старые заслуги и чтобы не ставить пятна на репутацию заведения. И на том спасибо.

Разумеется, не обошлось без бэ супруги Веры. В смысле, бывшей. Куда же без них! Не одна, так другая. Шibaев — парень видный, так и липнут, но при этом норовят согнуть. Ушла к какому-то мелкому предпринимателю, не выдержала ночных дежурств с облавами и хронического финансового тупика. Теперь счастлива, хотя еще с год примерно бегала к бэ мужу под предлогом сготовить котлеты или прибраться, а на самом деле убедиться, как ему без такого сокровища хреново и невыносимо. Проявляла заботу. Вся из себя, в белом костюмчике, увешанная золотыми колотушками... Ну скажите на милость, что за жлобское пристрастие к килограммовым цацкам? Причем гарнитурам, чтоб на всех частях тела все одинаковое. Какое-то скудоумие и ноль фантазии. Он, Алик, ее не то чтобы боялся, но опасался. Хотя, чего уж там греха таить, изрядно побаивался. Она же его терпеть не могла, ревновала, гадости измышляла, обзывала бледной немочью и кое-чем похуже. Да что с ними такое? Никакого чувства реальности! Как-то нашла губную помаду... Крику было! Что Шibaев себя губит, путается с кем попало, опустился до падших женщин, ей соседка Алина донесла, та, что имела на Ши-Бона виды, да не срослось. Якобы переживает за него, дурного и несмышленного, за отца своего сына, а как же! Чисто по-человечески. Помада, кстати, была Аликова. Не его, конечно, а барышни, которую он пригласил на романтический ужин, попросив Шibaева сходить в кино.

Достала, в общем. И бегала, пока Шибаев не сменил замки и не сказал «шиш тебе», когда она потребовала ключи. Умерла так умерла. Между прочим, замок Шибаев сменил с его подачи, прислушался. Тоже толкала его в охрану... Да что ж им всем так нейдет затолкать его в охрану! А Ши-Бон послал, говорит: сдохну раньше, он один из лучших оперов... был. Стажировка в Штатах, карьера, успех. Как в той песне: все было, все было, было, да прошло. Алик убежден, что есть индивидуумы, которым лучше не пытаться. Не получится у них ни взятки нормально брать, ни с бизнесом, ни в политике, потому что прямые, как рельса – ни гибкости, ни дипломатии, ни подлости. И честные! Да-да, не смейтесь. Собаки-ищейки, в хорошем смысле. Бежать по следу и вынюхивать – больше ничего не умеют. Так и Ши-Бон! Бежать по следу, соображать насчет мотива и вынюхивать. Тут ему нет равных, тут он даже Алику с его воображением дает фору.

А дело было так. Эта... бывшая Вера попросила Шибаева купить ребенку компьютер, намекнув, что новый муж и сам в состоянии, но есть же живой отец, и мальчику приятно. Ши-Бон и завис, так как с финансами не шибко. А тут конверт суют... Да не взял бы Ши-Бон никогда этих денег! Сначала не врубился, потом уже поздно было. Дурацкая история. И, как везде, шерше прекрасный пол. Правда, Веру прекрасным полом можно назвать с большой натяжкой, что еще обиднее – пропадать, так с музыкой.

Короче, помог он Шибаеву с лицензией частного детектива, пустил в свой офис. Друзья познаются в беде потому что.

Друзья... Да не дружили они никогда! Учились в одном классе, было, да, а вот дружбы не было. Какая там дружба! Бледный задохлик Алик Дрючин и любимец школы здоро-